

ких собственников и т. д., как известно, вообще характерная черта землевладения в средние века.

Наряду с отмеченными проявлениями сложности и неоднородности в землепользовании неоднородным и меняющимся был сам состав крестьян. Опись фиксирует вместе с жителями деревни и крестьян, живущих в других районах, но зависимых от собственника этой деревни. Они переселились в город (например, Фессалоники)³ или находятся (может быть, временно) в других, обычно соседних деревнях⁴. Иногда говорится о нескольких владениях париков, пребывающих в других деревнях, сами же парики зарегистрированы как проживающие в той основной деревне, опись которой приводится в практике⁵. Создается впечатление, что центром фискальной ответственности, основой оседлости и экономической жизни служит дом. В целом можно считать, что положение парика в позднее время отличалось значительной неопределенностью. Она также создавала благоприятные условия для возникновения неоднородности и, значит, с точки зрения исследователя, перепрезентативности отдельных поселений в рамках вотчины, региона. По-видимому, париком считался тот, кто держал чужую землю, но, в отличие от арендаторов, был лично зависим. Некоторые парики не имеют имущества, однако уплачивают подать: они перечисляются наряду с прочими париками данной деревни.

Известно, что византийскому праву традиционно присущ принцип личного подданства, личной зависимости⁶. Чрезвычайно своеобразное, аморфное в правовом отношении, переплетение личной и поземельной зависимости характерно для парикии. Неоднократно отмечалась противоречивость правопорядка, касающегося положения париков. С одной стороны, прикрепление к земле, требование возвращения беглых париков, с другой — неоднократные свидетельства источников о переселениях париков, правда при условии сохранения за ними тягла, это подтверждают и сведения о проскафименах. С течением времени, однако, такие переселения могли повлечь за собой неуплату податей. Переселившиеся парики превращались тогда в ксенов, неизвестных казне, элевтеров, беглых. Никто, по-видимому (в подавляющем большинстве случаев), беглых не возвращал. Их земли переходили собственнику⁷. Говоря о противоречивости правопорядка и отдельных правовых распоряжений, следует учитывать то обстоятельство, что право в Византии было тесно связано с христианской моралью и античными правовыми представлениями, оно не обладало такой действенностью, как современное. Наряду с правопорядком всегда признавались обычай и естественный порядок вещей. В условиях Византии администрация не в состоянии была строго проводить в жизнь правовые нормы. Имелось много отступлений, которые нужно было объяснять и регламентировать. Ссылки на естественное право, отличное от *constitutio juris gentium*, содержатся и в Дигестах, и в других законодательных сборниках⁸.

В литературе обращалось внимание на плюрализм византийского права в смысле несовпадения законодательства и юридической практики⁹. Для позднего времени более существенным в аграрной сфере представляется возникновение отношений, вообще не укладывающихся в нормы право-

³ Lavra, II, N 109, p. 237, l. 271, 247, l. 441.

⁴ Ibid., p. 248, l. 465.

⁵ Ibid., passim.

⁶ Pieler P. *Verfassung und Rechtsgrundlagen des Byzantinischen Staates*. — *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, Bd. 31/1. XVI. Internationaler Byzantinistenkongress, Akten, 1/1. Wien, 1981, S. 216.

⁷ См., например: *Actes de Lavra* / Ed. P. Lemerle e. a. P., 1979, v. III (далее: *Lavra*, III), N 167, p. 182.31.

⁸ *Лунин Е. Э.* Право и суд в Византии IV—VIII вв. Л., 1976, с. 37.

⁹ *Michaelides-Nouaros G.* Quelques remarques sur le pluralisme juridique en Byzance. — *Byzantina*, 1977, XI.